

graffiti
Сергей
Жадан
граффити

**ДЕПЕШ
МОД**
Роман

Харьков «Фолио» 2012

Судья — западник:
он не любит «Металлист».

15.02.04 (воскресенье)

Когда мне было 14 и у меня были свои виды на жизнь, я впервые накачался алкоголем. Под самую завязку. Было очень тепло и надо мною плыли синие небеса, а я лежал и умирал на полосатом матрасе и даже похмелиться не мог, потому что мне было только 14 и похмелиться я еще просто не научился. За последние 15 лет у меня было более чем достаточно оснований, чтобы не любить эту жизнь, жизнь с самого начала, как только я начал ее воспринимать, оказалась штукой подлой и неблагодарной, она сразу же взяла за привычку оборачиваться такими лажовыми ситуациями, вспоминать о которых не хочется, но которые запоминаются надолго. Хотя со своей стороны я особых претензий никогда не высказывал, очевидно, у меня все хорошо в моих отношениях с жизнью, даже несмотря на ее клиническую мудаковатость. Меня, по большому счету, когда не случалось очередных демаршей извне, все устраивало — меня устраивали обстоятельства, в которых я жил, устраивали люди, с которыми я общался, с которыми я время от времени виделся и с которыми мне доводилось иметь дело. Они мне, по большому счету, не мешали, надеюсь, — я им тоже. Что еще? Меня устраивало то количество бабок, которое у меня было, то есть устраи-

вало не количество как таковое, бабок у меня, на самом деле, почти никогда не было, устраивал сам принцип обращения их вокруг меня — я с детства заметил, что банкноты появляются именно тогда, когда тебе нужно, и приблизительно в том количестве, без которого ты не обойдешься, обычно это срабатывало, точно срабатывало, очевидно, если ты не до конца утратил совесть и сохраняешь хотя бы крохи какой-то пристойности, в смысле там чистишь зубы, или не ешь свинину, если ты мусульманин, то к тебе с непонятной тебе регулярностью является ангел с черными бухгалтерскими нарукавниками и перхотью на крыльях и обновляет твой текущий счет определенной суммой в денежном эквиваленте, так, чтобы ты, с одной стороны, совсем ноги не протянул, а с другой — не слишком выебывался и не перепаскудил своей реинкарнации покупкой танкеров с нефтью или цистерн со спиртом. Меня это устраивало, в этом я ангелов понимал и поддерживал. Меня устраивала страна, в которой я жил, устраивало то количество говна, которым она была заполнена и которое в наиболее критические моменты моего в этой стране проживания доходило до колен и выше. Я понимал, что вполне мог родиться в другой стране, куда более худшей, например, с более суровым климатом или с авторитарной формой правления, где у власти стояли б не просто ублюдки, как в моей стране, а какие-нибудь замороженные ублюдки, которые передавали бы власть в наследство своим детям, вместе с внешним долгом и внутренним мракобесием. Так что я считал, что довольно неплохо еще попал, поэтому не слишком заморачивался этими вещами. По большому счету меня устраивало все, меня устраивала телевизионная картинка, которую я видел за окнами квартир, в которых я жил, поэтому я старался просто не слишком быстро переключать каналы, поскольку успел заметить, что какие бы то ни было прояв-

ления внимания со стороны смонтированной вокруг меня реальности обязательно заканчиваются легко прогнозируемыми гадостями или просто мелким житейским западлизмом. Реальность прикольная сама по себе, но совершенно лажовая при подсчете послематчевой статистики, когда ты анализируешь свои и ее результаты и видишь, что нарушений с ее стороны было в несколько раз больше, а удаления случались только в твоей команде. Если что-то меня и удручало по-настоящему, то именно эти постоянные и настойчивые стремления этой телекартинки вступить со мной в противоестественные половые отношения, то есть, попросту говоря — оттрахать меня, воспользовавшись моими ж таки общественными правами и христианскими обязанностями. Я весело прожил эти свои 15 лет взрослой жизни, не принимая участия в строительстве гражданского общества, не приходя на избирательные участки и успешно избегая контактов с антинародным режимом, если вы понимаете, что именно я имею в виду; меня не интересовала политика, не интересовала экономика, не интересовала культура, даже прогноз погоды меня не интересовал, хотя это была чуть ли единственная в этой стране вещь, которая вызывала доверие, но меня она все равно не интересовала.

Теперь мне 30. Что изменилось за последние 15 лет? Почти ничего. Даже внешность этого ебаного президента не слишком изменилась, во всяком случае его портреты как ретушировали тогда, так и теперь ретушируют, даже я это заметил. Изменилась музыка в радио, но я его, по большому счету, и не слушаю. Изменилась одежда, но 80-е, насколько я понимаю, все еще в моде. Не изменилась телекартинка, она такая же липкая и ядовитая, как разлитый на паркете лимонад. Не изменился климат, зимы все такие же долгие, а весны — долгожданные. Изменились друзья, то есть одни навсегда исчезли, а другие, наоборот, появи-

лись. Изменилась память — она стала длиннее, но не стала лучше. Надеюсь ее хватит еще лет так на 60 стойкого бытового похуизма и непоколебимого душевного равновесия. Чего я себе и желаю. Аминь.

17.06.93 (четверг)

ВСТУПЛЕНИЕ №1

16.50

17 июня, около пяти дня, Собака Павлов пытается спуститься в подzemку. Он подходит к вертушке, идет прямо на женщину в униформе и достает из кармана ветеранское удостоверение. Женщина в униформе смотрит в удостоверение и читает: «Павлова Вера Наумовна». «Ну?» — спрашивает она.

- Бабушка, — говорит Собака Павлов.
- Где бабушка?
- Это, — показывает Собака удостоверение, — моя бабушка.
- Ну и что?
- Она — ветеран.
- Ну, а ты что хочешь?
- Она в танке горела.

Женщина еще раз смотрит в удостоверение. Кто ее знает, думает она, может, и горела, по фото не скажешь.

- Ну, хорошо — говорит она. — А от меня что надо?
- Пропустить, — говорит Собака.
- А ты что — тоже в танке горел?

— Ну подождите, — начинает торговаться Собака, — может, я ей поесть несусь.

— Что поесть?

— Ну, поесть, — Собака вспоминает, что же на самом деле ест его бабушка, когда ей дают. — Молочные продукты, понимаете? Творог.

— Сам ты творог, — незлобиво говорит тетка в униформе.

Собака понимает, как все это выглядит со стороны. Что вот он бьется головой о громадную бесконечную стену, которой от него отгородилась жизнь, бьется безо всякой надежды на успех, и все жизненные соблазны, в числе которых и проезд в метрополитене, ему сейчас просто не светят, вот как это выглядит. Он собирает всю свою волю в кулак и говорит что-то типа того, что, мол, послушайте, женщина, он, понятно, говорит не так, но смысл примерно такой. Так вот, послушайте меня внимательно, — говорит он, — хорошо? Только не нервничайте. Вот что я вам скажу, женщина. Вы, конечно, можете не уважать меня, я вижу, что вы не уважаете меня, вы же меня не уважаете, да? Послушайте, послушайте, я хочу еще сказать, послушайте. Но даже несмотря на это, понимаете, как бы это сказать, — ну, вы там, я не знаю что, вы по-разному можете к этому относиться, согласен, для вас это может ничего не значить, но согласитесь — моя бабушка не может сдохнуть с голоду только из-за того, что меня — ее законного внука, извиняюсь, вот так просто не пропустила в метро какая-то падла тыловая. Согласны? (ну, в этом месте они просто пообложили друг друга, но пусть будет так) — он концентрируется и вдруг ныряет женщине под руку, взмахивая в воздухе ветеранским удостоверением, и исчезает в прохладном кишечнике подземки.

«Какая падла тыловая? — думает женщина. — Я вообще — 49-го года рождения».